

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.44>

Труханова Дарья Сергеевна

МИТИГАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЩЕНИЯ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема функционирования обращения в парламентском дискурсе. Цель исследования - обозначить особенности функционирования обращения в институциональном политическом дискурсе с точки зрения реализации коммуникативно-когнитивного феномена митигации. Автор описывает наиболее частотные обращения в дискурсе Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации и при помощи метода прагматической интерпретации определяет их способность выступать в качестве основы для построения специфической митигативной тактики расширения поля адресации в потенциально конфликтных ситуациях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/11/44.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 211-215. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**HISTORICAL-ETYMOLOGICAL LEXICOGRAPHICAL INTERPRETATION
OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT-ANTHROPONYM
("AND WHO KNOWS? PUSHKIN?")**

Rogaleva Elena Ivanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Pskov State University
cambala2007@yandex.ru

The article introduces the author's conception of lexicographical representation of phraseological units with precedent anthroponyms in an educational dictionary. By the example of the phraseological unit with the component 'Pushkin', the author shows possible representations of debatable etymological variants taking into account the principles of scientificity and accessibility. Reasonability of the two-component structure of etymological hypertext is justified. Text-formative and properly etymological techniques of lexicographical description of Pushkin-questions are examined. The fragments of a dictionary entry compiled on the basis of innovative quest-technologies are provided. The linguo-culturological value of the dictionary as an efficient means of the Russian language teaching is emphasized.

Key words and phrases: educational phraseography; Pushkin-questions; Pushkin-statements; dictionary-quest; onymic phantom; etymological periphrasis; phraseme-formative mechanism; phraseographic techniques; dictionary entry.

УДК 81'42

Дата поступления рукописи: 03.06.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.44>

В статье рассматривается проблема функционирования обращения в парламентском дискурсе. Цель исследования – обозначить особенности функционирования обращения в институциональном политическом дискурсе с точки зрения реализации коммуникативно-когнитивного феномена митигации. Автор описывает наиболее частотные обращения в дискурсе Государственной Думы и Совета Федерации Российской Федерации и при помощи метода прагматической интерпретации определяет их способность выступать в качестве основы для построения специфической митигативной тактики расширения поля адресации в потенциально конфликтных ситуациях.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; институциональное общение; парламентский дискурс; Федеральное Собрание РФ; митигация; обращение.

Труханова Дарья Сергеевна

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, г. Москва
trukhanova.dasha@yandex.ru

**МИТИГАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЩЕНИЯ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Проникающая во все сферы жизни, политическая коммуникация изучается специалистами разных гуманитарных дисциплин, в том числе лингвистами. **Актуальность** нашей работы определяется диспропорциями и лакунами в существующих исследованиях политического дискурса: на русскоязычный парламентский дискурс (далее – ПД) обращается недостаточно внимания [6], хотя ПД по многим основаниям может считаться вершиной политической коммуникации, относясь к ядру политического дискурса, то есть институциональному политическому дискурсу [25]. Под последним мы понимаем **применение языка политиками в сфере институциональной коммуникации с целью реализации институциональных функций и функции борьбы за власть**. Изучая русскоязычный ПД, а именно дискурс Федерального Собрания, состоящего из дискурсов верхней и нижней палат (Государственной Думы (далее – ГД) и Совета Федерации (далее – СФ)), учёные в качестве основного исследовательского материала выбирают дискурс ГД, описывая его компаративно (С. Б. Верещагин, Е. Г. Желудкова, А. С. Константинова, Л. С. Полякова и др.). Также внимание учёных привлекает дискурс ГД эпохи перемен (А. Н. Баранов, С. И. Виноградов, Д. Ю. Гатин и др.) и первой Думы (С. А. Громько, П. Б. Царьков и др.). Вместе с тем стратегемно-тактические особенности современного ПД, способы их вербализации представляют интерес для лингвистического анализа.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что институциональные ПД анализируются с точки зрения реализации коммуникативно-когнитивного феномена митигации, чему ранее исследователи практически не уделяли внимание. Иерархическая структура и функции ПД (законодательная, представительская, контролирующая, функция борьбы за власть, а также сохранение и распространение последней), условная открытость для массового адресата, специфика молодого российского парламентаризма (сильная президентская власть, особенности взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти [3]) актуализируют безопасные для агентов (депутатов/сенаторов) и контрагентов (должностные и прочие лица, принимающие участие в заседании ГД/СФ) способы говорения, что позволяет сохранять обеим сторонам личный авторитет,

авторитет представляемого ими политического института, выгодно представлять себя клиентам ПД (потенциальным избирателям). Одним из таких способов является митигация [22, с. 56]. Когнитивно-коммуникативный феномен митигации изучается с середины 70-х (К. Каффи, Лори А. Червенка, Х. Хаверкейт, Б. Мартиноски, С. Шнейдер, Б. Фрейзер, С. Ш. Каракулова, С. С. Тахтарова, О. А. Эзех и др.), но единого мнения об объёме понятия нет. Мы рассматриваем митигацию как *дискурсивную практику, которая позволяет сократить уязвимость говорящего лица* [34]. «Уязвимость» может по-разному пониматься в разных культурах и типах дискурса [32]. На наш взгляд, в ПД – это возможность потерять свой авторитет, в том числе обостряя потенциально конфликтные ситуации. *Набор средств реализации митигации в разных типах дискурса может варьироваться, и митигативный потенциал того или иного языкового средства раскрывается в прагматических координатах.* Обращение как средство митигации рассматривалось учёными, работавшими в разных исследовательских парадигмах [2; 5; 10; 12; 22; 26]. Хотя *основная функция обращения – называть того, к кому направлена речь*, но «*экспрессивная оценка и выражение субъективного отношения говорящего*» имеют для интеракции не меньшее значение [13]. Включая адресата в акт речи [11, с. 65], обращение влияет на развитие коммуникации. Таргетированные исследования обращений как средства митигации в институциональном ПД ранее не проводились.

Цель настоящей статьи – определить на материале ПД способность обращения функционировать в качестве средства митигации. Для достижения поставленной цели был определён круг **задач**: выделить наиболее частотные формулы обращений в данном типе дискурса и описать митигативную тактику, построенную на использовании этих обращений. В качестве основного материала рассматриваются стенограммы и видеозаписи заседаний ГД и СФ. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки и метод прагматической интерпретации.

Анализ показал, что в жёстко ритуализованном институциональном ПД действительно используются фиксированные формулы обращения, среди которых можно выделить как наиболее частотные следующие:

1. *Уважаемый(ая) + имя и отчество! Глубокоуважаемый(ая) + имя и отчество! Многоуважаемый(ая) + имя и отчество!* Последние две формулы используются, конечно, реже. Вместе с тем с просодикой, подчеркивающей статусную и ролевую иерархию, эти формы иногда используются коммуникантами с целью расположить адресата к себе. Для некоторых политиков это особенность их коммуникативного поведения.

2. *Уважаемый президиум!*

3. *Уважаемые коллеги!*

4. *Уважаемые депутаты/сенаторы! / Уважаемые члены СФ/ГД!*

5. *Уважаемые/Дорогие товарищи! (обращение членов КППФ).* Эта особенность обращения коммунистов иногда используется другими депутатами в игровом модусе. Например: «*Здесь депутат Куринный очень верно сказал, что нужно активно представлять избирателей и защищать их интересы, ну так вот, уважаемый господин депутат (ну если КППФ, то товарищ), я вам скажу, что “ЕДИНАЯ РОССИЯ” активно отстаивает интересы своих избирателей*» [16].

Гораздо реже используются обращения следующих типов:

1. *Уважаемые господа!*

2. *Уважаемый господин/госпожа + название должности (председатель/министр...)!*

Обращения «*Дамы и господа!*» и «*Уважаемые господа!*» наиболее частотны в речи иностранных гостей, выступающих на заседаниях.

Редки обращения «*Дорогие коллеги!*», «*Дорогой(ая) + имя и отчество!*» (в основном используются в поздравлениях), единичны – «*Дорогие друзья!*», «*Уважаемые друзья!*».

Также анализ показал, что иерархическая структура ПД проецируется на структуру обращения. Начиная свою речь, субъекты ПД часто отдельно обращаются к председателю/председательствующему, затем к президиуму и к остальным коллегам. Например: «*Уважаемый Вячеслав Викторович, уважаемые коллеги!*», «*Уважаемая Валентина Ивановна! Уважаемые сенаторы!*» и др. В. В. Бортко: «*Уважаемый господин председатель, уважаемый президиум, уважаемые коллеги! Я прошу отпустить меня на похороны Толоконникова, он же Шариков, до четырёх часов вечера. Простите, бога ради, у меня уважительная причина*» [19].

Описанные выше обращения являются традиционными, но их нельзя назвать пустыми протокольными ритуальными формулами, они являются прагматически нагруженными, в том числе имеют митигативный потенциал. Например, отвечая на выпад В. В. Жириновского, Е. Е. Марченко («Единая Россия») на заседании ГД 27.01.2017 говорит: «*Дорогие друзья, давайте будем объективнее в плане упреков в следующий раз!*» [15]. Использование обращения «друзья», а также формы совместного действия (давайте) и отадекватного компаратива (объективнее), указывающего на неопределенно большую степень проявления признака, призвано сократить дистанцию между «своими» и «чужими», снизить категоричность высказывания и затруднить экспликацию реального адресата. Адресант реагирует на критику, но при этом «укол» вербализован косвенно. Такое обращение, когда адресат не может быть определен точно, можно рассматривать как дуальный митигативно-вокативный комплекс, способствующий снижению критического градуса. Можно ли считать такую модель общения сугубо институциональной? Вероятно, нет, т.к. анализ эмпирического материала показывает, что она используется и в дискурсах иного типа (например, на деловых совещаниях в сфере бизнеса). Однако частотность употребления такого митигативного обращения в институциональном политическом дискурсе говорит о том, что приведенная модель хорошо усвоена и активно применяется в этом субдискурсе.

Рассмотрим ещё один пример: 03.04.2018 на заседании ГД депутат от «Единой России» Н. П. Николаев не укладывается в отведённое время для выступления, по его просьбе добавляется минута, депутат завершает своё выступление. Председатель объявляет следующего выступающего: *«Спасибо, Николай Петрович. Фракция “СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ” – Шейн Олег Васильевич. **Коллеги, просьба ко всем: укладывайтесь в регламент**»* [20]. Императив с обращением во множественном числе не даёт установить точно, к кому именно относится просьба, так как, с одной стороны, замечание ассоциируется с нарушившим Регламент депутатом, с другой – форма множественного числа оправданна, так как в зале много депутатов, которым предстоит выступать. Ситуация нарушения регламента депутатом каузирует обращение ко всем присутствующим во избежание повторения ситуации, вместе с тем нарушение этого конкретного человека не может остаться без внимания председательствующего, подобные комментарии облигаторны для председательствующего.

На основе анализа ряда примеров мы полагаем, что двойное обращение функционирует как одна из основ для реализации митигативной тактики расширения поля адресации. Эта тактика имеет несколько структурных вариаций: обращение к конкретному говорящему, замаскированное под обращение ко всем присутствующим, обращение к конкретному говорящему и последующее расширение поля адресации, обращение ко всей аудитории и последующее обращение к конкретному лицу. Рассмотрим примеры.

Пример 1. На заседании ГД 27.01.2017 В. В. Жириновский, выступая от фракции с критикой закона «О побоях» (так как считает закон вмешательством в дела семьи), делает замечание коллегам, которые отвлекаются от заседания. В итоге критика выливается в гневную тираду с переходом на личности: *«А если мужчина не хотел ребёнка, не хотел быть отцом и вообще сомневается, он ли отец этого ребёнка, да ещё жена его долбает каждый день, и теща, а свекровь – сноху, то это проблемы семьи, это внутри семьи – как можно здесь привлекать Уголовный кодекс?! Он их помирит, что ли? Заставит кого-то любить? Здесь не надо нам чудить, а то мы уже до семьи добрались! Сперва мы народы переселяли (товарищ Газзаев, это не ЛДПР делала!), эшелонами гнали по всей стране – разве это не было межнациональной рознью? Это что, ЛДПР делала? Не мешай, мы не на футболе, здесь мы имеем право критиковать! Садитесь, Газзаев, садитесь, вы проиграли свой матч! (Шум в зале)»* [15]. Председательствующий реагирует на слова коллеги: *«Коллеги, я ещё раз обращаюсь ко всем с просьбой во время выступления не переходить на личности и не обращаться к коллегам, стараться не оскорблять своих коллег»* [Там же]. С одной стороны, употребление такого обращения действительно касается двух поспоривших и перешедших на личности депутатов. С другой стороны, замечание «обращаюсь ко всем», просодика и кинесика В. В. Володина демонстрируют, что он действительно «обращается ко всем». Привлекает внимание и выражение «стараться не оскорблять своих коллег», в котором глагол с потенциальной семантикой снижает категоричность высказывания.

Пример 2. 04.07.2018 на заседании ГД после выступления А. В. Моисеева, которое было зачитано очень быстро, депутат О. Н. Смолин просит: *«Уважаемый Иван Иванович, у меня большая просьба ко всем докладчикам выступить более внятно, поскольку уважаемый Алексей Владимирович говорил столь быстро и невнятно, что из его доклада я не понял ничего. Содоклад я понял, но содоклад вызывает вопросы: не означает ли законопроект, что мы отдаём приоритет отдельным, более богатым вкладчикам по сравнению с владельцами небольших вкладов, которых представляет АСВ? В чью пользу этот законопроект, пожалуйста»* [21]. Депутат формально обращается к председательствующему на тот момент И. И. Мельнику (возможно, это посыл, чтобы председательствующий, пользуясь своими полномочиями, которыми он наделен согласно Регламенту, официально призвал выступающих излагать свои мысли чётче), в то же время депутат обращается ко всем выступающим («просьба ко всем докладчикам»). При этом последующий аргумент («уважаемый Алексей Владимирович говорил столь быстро и невнятно») сужает поле адресации до отдельно взятого выступающего. Упоминание в обращении коллеги, поведение которого заставило О. Н. Смолина прокомментировать ситуацию, затрудняет процесс экспликации реального адресата обращения.

Пример 3. 22.02.17 на заседании ГД молодой депутат А. В. Бальбердин («Единая Россия»), обсуждая повестку и план работы (поставить дополнительное заседание 7 марта в связи с тем, что многие законопроекты не успевают рассмотреть в сроки), представляет коллегам своё понимание причины сложившейся ситуации: *«Как мы знаем, из портфеля Госдумы прошлых созывов в портфель Госдумы нашего созыва перешло порядка двух тысяч нерассмотренных законопроектов. Зачастую они абсурдны, зачастую они уже устарели, но когда профильные комитеты принимают решения об отклонении таких законопроектов, мы видим, как депутаты, многоуважаемые депутаты, которые здесь работают второй созыв, третий, пятый и даже шестой созыв, берут слово для выступления по любому законопроекту, тратят наше с вами драгоценное время, а потом задают вопрос: когда же мы рассмотрим все законопроекты, которые мы когда-то вносили?! В заключение своего выступления я хотел бы призвать: уважаемые депутаты, – я не буду вас называть, все прекрасно понимают, о ком идёт речь, – давайте с уважением относиться ко всем, кто присутствует в этом зале!»* [18]. Обращение во множественном числе и формы совместного действия («давайте с уважением относиться...») адресованы конкретным коллегам («я не буду вас называть...»), но названные митигативные формы снижают конкретность обращения.

Пример 4. 10.02.2017 на заседании ГД А. Н. Диденко (председатель Комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, фракция «ЛДПР») критически оценивает рассматриваемый законопроект «О собраниях, митингах» и с целью доказать абсурдность закона указывает на то, что с законодательной инициативой выступил никому неизвестный депутат и что известным политикам типа В. В. Жириновского, которые, появляясь на публике, собирают толпу, придётся постоянно нарушать закон: *«В соответствии*

с вашими предложениями депутат за семь дней должен заявить о проведении встречи с избирателями, а если предположить, что встреча планируется на первый день региональной недели, то он должен отпроситься с пленарного заседания или прогулять пленарное заседание, – подумайте только! – чтобы поехать в этот посёлок и лично подать уведомление о проведении встречи с избирателями. Такие меры нам представляются излишними. **Более того, есть депутаты... Я понимаю тех, кто вносит эту инициативу, – их никто не знает и на встречи с ними избиратели не приходят, но есть и другие депутаты, например, руководители фракций, вот как Владимир Вольфович Жириновский, любое появление которого на публике сразу же собирает огромную толпу народа. То есть, если этот закон будет принят, мы будем вынуждены подать уведомление о бессрочном публично-массовом мероприятии – о встрече с руководителем фракции ЛДПР»** [17]. С. И. Неверов (от «Единой России», заместитель Председателя ГД): **«Уважаемые коллеги, мне кажется, всё-таки нужно быть немного сдержаннее, выступая с трибуны: когда с трибуны Государственной Думы звучит, что народ – это толпа, мне кажется, это некорректно. И второе. Независимо от того, кто является автором любого законопроекта, мне кажется, неэтично заявлять, что его никто не знает. Кстати, за автора того законопроекта, о котором говорил Алексей Николаевич, проголосовало гораздо больше избирателей, чем за него самого в округе. (Аплодисменты)»** [Там же]. Речь С. И. Неверова начинается с обращения «Уважаемые коллеги!», которое в приведённом примере также является и обращением к конкретному адресату (что следует из ситуации общения), и обращением ко всем присутствующим, чтобы привлечь внимание к проблеме поведения одного из депутатов и нарушения им Регламента. Кроме амбивалентного обращения в высказывании функционируют в качестве средств митигации вводное слово со значением неуверенности («мне кажется»), безличное предложение («нужно быть немного сдержаннее»). Потенциально конфликтная интенция, замечание коллеге, вербализуется косвенно. Расширение поля адресации реализуется и иными способами, например, специальными ремарками («*Это касается всех*», «*И это для всех актуально*», «*Это для всех*», «*Нам всем повод задуматься*»), при помощи форм совместного действия.

Подведём итоги. Субъекты ПД используют ограниченный набор этикетных формул-обращений, среди которых можно выделить особо частотные (*Уважаемый(ая) + имя и отчество! Уважаемые коллеги! Уважаемые депутаты/сенаторы!*). Эти ритуальные этикетные формулы часто выступают в качестве основы для реализации специфической митигативной тактики: обращение к конкретному лицу и одновременно дефокализация этого обращения – маскировка обращения с целью вербализовать критическую интенцию, направленную на конкретное лицо, под обращение ко всем присутствующим, и наоборот – обращение к конкретному лицу и последующее расширение поля адресации на всю аудиторию. Таким образом, обращение должно быть включено в инструментарий средств реализации митигации в ритуализованном институциональном дискурсе.

Список источников

1. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 63 с.
2. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84-99.
3. Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм: история и современность // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2007. № 1. С. 5-21.
4. Гатин Д. Ю. Лексика публичных выступлений российских парламентариев (на материале стенограмм съездов и сессий Верховного Совета Российской Федерации 1990-1993 гг.): дисс. ... к. филол. н. Самара, 1998. 172 с.
5. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.
6. Каблуков Е. В. Пленарное заседание Государственной Думы: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты: дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2007. 309 с.
7. Каракулова С. Ш. Митигативные стратегии и тактики в политических интервью с германскими политиками: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2016. 224 с.
8. *Культура парламентской речи* / под ред. Л. К. Граудиной. М.: Наука, 1994. 496 с.
9. Марюхин А. П. Наука и язык. Опыт логического эмпиризма. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 328 с.
10. Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1999. 28 с.
11. Останин А. И. Целевая соотносительность обращения и высказывания (на материале русской разговорной речи) // Филологические науки. 1998. № 1. С. 65-72.
12. Петкова С. Обращение как средство речевого воздействия на адресата // Болгарская русистика. 2005. № 3-4. С. 26-34.
13. *Русская грамматика* [Электронный ресурс]: в 2-х т. / под ред. Н. Ю. Шведовой. URL: <http://rusgram.narod.ru/index1.html> (дата обращения: 28.01.2019).
14. Саакян Л. Н., Северская О. И. Новые смыслы в актуальном политическом дискурсе сквозь призму корпусных исследований // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. Т. 7. № 6. С. 20-25.
15. *Стенограмма заседания Государственной Думы 27.01.2017* [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/> (дата обращения: 09.02.2019).
16. *Стенограмма заседания Государственной Думы 08.02.2017* [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4593/> (дата обращения: 10.01.2019).
17. *Стенограмма заседания Государственной Думы 10.02.2017* [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4597/> (дата обращения: 09.02.2019).
18. *Стенограмма заседания Государственной Думы 22.02.2017* [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4606/> (дата обращения: 18.03.2019).
19. *Стенограмма заседания Государственной Думы 20.07.2017* [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4711/> (дата обращения: 05.04.2019).

20. Стенограмма заседания Государственной Думы 03.04.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4870/> (дата обращения: 19.04.2019).
21. Стенограмма заседания Государственной Думы 04.07.2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/4931/> (дата обращения: 19.04.2019).
22. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2010. 432 с.
23. Царьков П. А. Языковой портрет думского политика-либерала на материалах публицистики и стенографических отчетов заседаний Государственной Думы России: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2012. 226 с.
24. Чудинов А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2003. № 1. С. 19-31.
25. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дисс. ... д. филол. н. Волгоград, 2000. 23 с.
26. Эзех А. О. Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах (на материале русско- и немецкоязычного диалогического дискурса): дисс. ... к. филол. н. М., 2018. 199 с.
27. Caffi C. Mitigation. Amsterdam: Elsevier, 2007. 342 p.
28. Czerwionka L. A. Mitigation in Spanish Discourse: Social and Cognitive Motivations, Linguistic Analyses, and Effects on Interaction and Interlocutors: dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of The University of Texas at Austin in partial fulfillment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Texas at Austin, 2010. 260 p.
29. Flores-Ferrán N. An examination of mitigation strategies used in Spanish psychotherapeutic discourse // Journal of Pragmatics. 2010. № 42. P. 1964-1981.
30. Fräser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 1980. № 4. P. 341-350.
31. Haverkate H. Politeness and Mitigation in Spanish: A Morpho-pragmatic Analysis // Papers Presented to Simon C. Dik on His 50th Birthday / ed. by H. Pinkster and F. Geene. Dordrecht: Foris, 1990. P. 107-131.
32. Martinovski B., Gratch J., Mao W., Marsella S. Mitigation Theory: An Integrated Approach // The Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society. Stresa, 2005. P. 1407-1412.
33. Schneider S. Mitigation // Handbook of Pragmatics. Berlin: De Gruyter Mouton, 2010. P. 253-269.
34. The Routledge Pragmatics Encyclopedia / ed. by L. Cummings. L.: Routledge, 2010. 674 p.

MITIGATION POTENTIAL OF ADDRESS IN INSTITUTIONAL POLITICAL DISCOURSE

Trukhanova Dar'ya Sergeevna

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

trukhanova.dasha@yandex.ru

The article examines the problem of address functioning in parliamentary discourse. The research objective includes identifying the peculiarities of address functioning in institutional political discourse from the viewpoint of realization of the communicative-cognitive phenomenon of mitigation. The author describes the most frequent forms of address in the discourse of the Russian State Duma and the Federation Council and using the method of pragmatic interpretation evaluates their ability to serve as a basis of specific mitigation tactics of broadening the field of address in potentially conflict situations.

Key words and phrases: political discourse; institutional communication; parliamentary discourse; Federal Assembly of the Russian Federation; mitigation; address.

УДК 81`33

Дата поступления рукописи: 14.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.45>

В статье рассматривается информационный потенциал словаря рифм поэзии Д. В. Веневитинова, который является частью комплексного словаря поэтического языка, разрабатываемого лингвистами Казанского (Приволжского) федерального университета. Новизна работы состоит в систематизированном описании рифмантов поэта. Получены выводы о значимых лексемах в поэтических текстах Д. В. Веневитинова в результате сравнительного анализа наиболее частотных полнозначных лексем и лексем, часто употребляемых поэтом в рифменной позиции, являющейся сильной позицией художественного текста.

Ключевые слова и фразы: авторская лингвография; словарь поэтического языка; словарь рифм; рифмант; сильная позиция текста; частотные данные.

Шайхутдинова Рузалина Ильясовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ruzalinkaa@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВАРЯ РИФМ ПОЭЗИИ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА

В Казанском университете разрабатывается несколько лингвографических проектов, ставящих своей задачей словарную регистрацию и интерпретацию лексики стихотворных произведений поэтов первой половины XIX века [5, с. 106].